

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И «РУССКАЯ СМУТА»: РАЗМЫШЛЯ НАД УРОКАМИ ПРОШЛОГО (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ФИРСОВА С. Л. «ВРЕМЯ ВОЙНЕ И ВРЕМЯ МИРУ». ПРАВОСЛАВНАЯ РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ)

В статье характеризуется одна из последних работ известного петербургского историка, специалиста в сфере истории Церкви и церковно-государственных отношений С. Л. Фирсова. Издание посвящено истории и историографии Православной Российской Церкви в период революции и Гражданской войны. Отмечено, что историк подчеркивает важность религиозного фактора для понимания важности общественно-политических процессов, происходивших в это противоречивое время. Рассмотрены основные тезисы, высказанные в монографии, названы ее сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: Русская революция, Гражданская война в России, Русская Православная Церковь, религиозный фактор, патриарх Тихон (Беллавин), С. Л. Фирсов.

Введение. Имя петербургского историка Сергея Львовича Фирсова, без преувеличения, известно каждому отечественному исследователю синодального периода Русской Православной Церкви — его перу принадлежат крупные труды, посвященные истории церковно-государственных отношений в Российской империи. Уже первые работы С. Л. Фирсова по истории взаимоотношений духовной и светской власти в империи Романовых обратили на себя внимание специалистов, а защищенная им в 1994 году кандидатская диссертация на эту тему стала важной вехой в историографии [1].

В докторской диссертации С. Л. Фирсов проанализировал различные аспекты социальных и политических проблем в отношениях Российского государства и Православной Церкви в 1907–1917 годах [2]. Сегодня эти работы, наряду с монографиями автора, воспринимаются специалистами как основополагающие, ныне они по праву считаются классическими. Особое внимание в трудах С. Л. Фирсова традиционно уделялось роли Церкви в период правления Николая II. В многочисленных монографиях и статьях историка на эту тему всесторонне рассмотрены те кризисные явления, которые были присущи церковной среде на закате синодального периода [3–5].

Цель исследования. В исследованиях С. Л. Фирсова были обозначены основные проблемы в жиз-

ни Церкви, в конечном итоге ослабившие ее позиции в обществе и разрушившие существовавшую на протяжении нескольких столетий систему церковно-государственных отношений. Среди наиболее важных аспектов этого, в частности, можно назвать кризис церковного управления и запрос на перемены как в светских, так и в духовных структурах; кризис в церковной иерархии, нередко поднимавший на вершины духовной власти людей, не готовых к ответственности подобного служения; постоянную смену обер-прокуроров Синода; крайне резонансное отлучение от Церкви Л. Н. Толстого, оттолкнувшее от православия часть интеллигенции; возвышение последнего «старца» Империи Г. Е. Распутина и его влияние на синодальную политику [6]. Трудно не согласиться с ученым, убежденным в том, что все эти факторы сказались на отношении к Церкви общества и власти в годы революции и Гражданской войны.

Основная часть. Интерес С. Л. Фирсова к эпохе Николая II естественным образом привел историка к созданию биографий ключевых фигур этого противоречивого периода. Первой работой такого рода стало жизнеописание последнего российского императора — по справедливой и поэтичной характеристике, вынесенной в заголовок монографии — «пленника самодержавия» [7]. Особый акцент в исследовании сделан на религиозности монарха,

которая не раз влияла на характер принимаемых им решений. В этой работе проявилось умение С. Л. Фирсова создавать тонкие историко-психологические портреты своих героев. Политические и душевные терзания самодержца, в чьих руках до осени 1905 года находилась абсолютно неограниченная власть, сказывались на всех сторонах жизни страны, затрагивая и духовную.

Среди тех, кто предвидел «неслыханные перемены, невиданные мятежи», был другой герой работ С. Л. Фирсова, знаменитый обер-прокурор и учитель двух императоров — К. П. Победоносцев, сыгравший решающую роль в срыве планов введения в России умеренного представительства после убийства Александра II народолюбцами [8]. Посвященная Победоносцеву монография позволяет воспринимать Константина Петровича вне ставших уже каноническими представлений о нем как об иссушенном и безэмоциональном «великом инквизиторе», «русском Торквемаде», расправившем над Россией «совиные крыла» [9]. С. Л. Фирсов опровергает этот набор устоявшихся клише, предлагая более сложный и многогранный портрет «интеллектуала во власти», со своим набором представлений о том, как уберечь Российскую империю от революционных потрясений. Таким образом, биографические исследования С. Л. Фирсова также фиксируют противоречия в жизни Церкви в России в начале XX века и неготовность светских и духовных властей к ответам на вызовы времени.

Естественным продолжением интереса С. Л. Фирсова к вопросам церковно-государственных отношений стали его работы о взаимоотношениях религиозных общин с советской властью. Первой монографией автора на эту тему стала книга «Власть и огонь: Церковь и Советское государство: 1918 — начало 1940-х г.: очерки истории» [10], в которой кратко охарактеризована трансформация большевистского понимания места религии в СССР — от радикального антиклерикализма, антицерковной пропаганды, гонений и репрессий до политики умеренных компромиссов. Результатом размышлений С. Л. Фирсова над фигурой такого неоднозначного Предстоятелем Русской Православной Церкви в 1943 г., стала монография 2005 г. [11]. Глубокое исследование образа мышления советского человека, практики мифотворчества, порождаемого самой эпохой, мимикрии и двоемыслия, характерных для поведенческой практики и мировоззрения миллионов советских людей, было предпринято Фирсовым в его монографии 2011 года [12]. Наконец нельзя не обратить внимания на талантливую диалогию Фирсова, посвященную первым большевистским вождям — Ленину и Сталину, — в которой историк предложил абсолютно необычный взгляд на этих советских руководителей [13–14].

В рецензируемой монографии профессор С. Л. Фирсов остановился на истории взаимоотношений Русской Православной Церкви и большевистской власти в период революции и Гражданской войны. Название этой работы — «Время войне и время миру» — отсылает к строкам Книги пророка Екклесиаста, которые некоторые богословы трактуют как признание войны таким же естественным для человечества состоянием, как и мир. В связи с этим петербургский историк трактует время «Русской Смуты» как исторический отрезок, во время которого с особой четкостью и рельефностью проявились различные настроения в церковной среде.

Революция и Гражданская война — короткий водораздел между новым и старым миром — стал определяющим периодом для Православной Церкви в России, но до настоящего времени религиозному фактору в этих событиях уделялось не так много внимания, без чего общая картина этих важнейших событий оставалась неполной. Православное духовенство, после двух столетий синодального периода и непростых, но в известной степени взаимовыгодных отношений с самодержавием, а затем — краткосрочной эйфории от демократических преобразований Временного правительства, столкнулось с властью, которая была настроена к нему враждебно и агрессивно: большевики и не думали скрывать того, что видят в клире один из отрядов контрреволюции; последняя, в свою очередь, воспринимала Церковь как своего естественного союзника, обладающего громадным политическим потенциалом и пользующегося доверием значительной части населения страны.

Особо оговорим, что советское руководство с первых же месяцев Гражданской войны стало отождествлять позицию части духовенства, поддержавшей белогвардейцев, с позицией всей Православной Церкви во главе с патриархом Тихоном [15]. Репрессии большевиков, направленные против православного духовенства, базировались на программном постулате о тождественности Церкви и контрреволюции; как следствие, исходя из принципа революционной целесообразности и по законам военного времени, клир подлежал уничтожению. Слова и угрозы пролетарской диктатуры в данном случае не расходились с делом, что, в конечном итоге, привело к появлению феномена новомучеников — людей, предпочитавших смерть насильственному разрыву с верой. Все эти сложнейшие явления, в первую очередь связанные с новыми условиями взаимоотношений Церкви со светскими (а точнее — советскими) властями, верующими, социальными и политическими группами, рассматриваются в рецензируемой монографии.

Как и ряд других работ С. Л. Фирсова, рецензируемое издание — это сборник объединенных общей проблематикой очерков, которые ранее в виде статей публиковались в научных журналах. С одной стороны, такой подход далеко не исчерпывает заявленную тему, ограничивая ее только определенным набором сюжетов, избранных по авторскому усмотрению. С другой стороны, мастерство историка как раз и заключается в умении выявить, назвать и охарактеризовать основные «болевые точки» рассматриваемой эпохи. Каждая заявленная профессо-ром Фирсовым тема очерка в дальнейшем может стать самостоятельным и объемным научным исследованием.

Рецензируемая работа состоит из введения, шести глав, заключения и одного приложения («Основные вехи истории Православной Российской Церкви в 1917–1920 гг.»). Во введении С. Л. Фирсов останавливается на целом ряде концептуальных вопросов истории Гражданской войны — как в целом, так и на аспектах осмысления деятельности Церкви в этот период. По не вызывающему никаких сомнений заявлению исследователя, «Гражданская война в России — одна из наиболее трагических страниц новейшей отечественной истории», при этом ученый отмечает, что «без оценки «религиозного фактора» достаточно проблематично говорить о морально-нравственных коллизиях, сопряженных

ших Гражданскую войну в России, оценить ее последствия и результаты». Вспоминая читателя о том, с «какого времени можно говорить о начале Гражданской войны в России?», профессор Фирсов утверждает, что если следовать формальным критериям, то «следует сказать: после того, как большевики захватили власть и стали проводить глобальный социальный эксперимент, предполагавший утверждение диктатуры пролетариата», при этом Сергей Львович правомерно подчеркивает, что «на практике насилие стало нормой в борьбе большевиков со своими противниками буквально сразу же после того, как они утвердились у власти». Вместе с тем историк убежден, что в широком смысле движение России к Гражданской войне началось ранее, и «не будет ошибкой заявить, что случилось это еще в 1917 г., после Февраля. Свержение самодержавия открыло к ней широкий путь, стало и поводом, и причиной окончательного размежевания бывших подданных бывшей империи... Гражданская война началась до большевиков», — подчеркивает ученый. Исследуя по-настоящему масштабную тему, ученый оговаривает: суду читателя представлено лишь собрание очерков по истории и историографии проблемы, а «написание истории Церкви в годы Гражданской войны — задача для будущих историков» (с. 8).

В первой главе С. Л. Фирсов анализирует взаимоотношения Церкви и большевиков в заявленный исторический период. Авторский подзаголовок («Краткий исторический обзор») исключает возможные упреки в небольшом объеме данного раздела, который в силу значимости заявленной проблемы мог бы стать темой отдельной докторской диссертации. С. Л. Фирсов выделяет основные вехи в отношении большевиков к Православной Церкви. Это не только всем известные и растиражированные декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и резкие цитаты В. И. Ленина. Это и конкретные действия в столицах и регионах, направленные на запугивание своих оппонентов — от обстрелов Кремля в дни Всероссийского Поместного Собора до бессудных расстрелов иерархов и священнослужителей на местах. Заслуживает внимания важный тезис ученого, посвященный анализу природы антицерковной политики советской власти: «Большинство граждан России не представляли себе, что новая власть пришла "всерьез и надолго", что решения этой власти будут обязательно проведены в жизнь. Уверенности в долговечности Совнаркома, как и всей системы советской власти, не существовало и в январе 1918 г. Это — важный момент, о котором не следует забывать: священноначалие Православной Российской Церкви в те времена не воспринимало большевиков как достойных хозяев страны...», более того, историк подчеркивает, что «многие церковные деятели воспринимали большевиков как узурпаторов государственной власти». Прибавим от себя: а также творцов грядущей гибели и порабощения России. «Торжество большевизма — смерть всякой самостоятельной свободной государственности. Смерть эта ведёт, однако, не к торжеству интернационализма и социалистического строя, как болтают большевики, а к подчинению народа другой, иностранной государственности. Для России нет другого выхода: или преодолеть большевизм, или попасть в иностранное рабство», — записывал в дневнике член Поместного Собора митрополит Арсений (Стадницкий), один из трех кандидатов на пост Предстоятеля Русской Православной

Церкви в 1917 году [16]. При этом, согласно убеждению Фирсова, «сами большевистские вожди относились к религии как к средству затемнения пролетарского сознания масс и отвлечения их от идей социализма. В это время никто из них не рассматривал Церковь как возможный "политический ресурс"». Примечателен вывод автора, подвергнувшего анализу итоги антицерковной политики советской власти в годы Гражданской войны: «Кавалерийская атака» на Церковь «не принесла тех результатов, на которые так надеялись большевики; религиозность населения существенно не снизилась».

Особое внимание историком уделяется знаменитому ленинскому декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Ученый правомерно, на наш взгляд, полагает, что декрет этот в немалой степени обусловил противостояние Церкви и новой власти. Кто был инициатором этого противостояния? «Если под противостоянием понимать категорическое нежелание Церкви (в лице иерархии и членов Собора) поддерживать власть в ее стремлении отделить Церковь от государства, то тогда, конечно, его инициатором следует признать Церковь. Однако, если вспомнить ленинскую реакцию на письмо митрополита Вениамина, демонстративное нежелание учитывать существовавшие ранее отношения Церкви и государства, поощрение провокационных в отношении Церкви выступлений, то инициаторами вполне можно назвать большевистских лидеров. То, что они называли отделением, в то время церковным сознанием воспринималось как сознательное разрушение самого института Церкви», — аргументированно пишет историк, подчеркнувший исключительную непримиримость и идеологическую ангажированность тех, кто, отделяя «Церковь от государства, вовсе не хотел видеть реализованной на практике известную "формулу Кавура" о свободной Церкви в свободном государстве». Победа большевиков, убежденных в необходимости уничтожения Церкви как направительницы народной жизни, в Гражданской войне, открыла, по Фирсову, «новую, трагическую страницу в церковно-государственных отношениях России».

С этой проблематикой тесно связан сюжет второй главы книги, посвященный религиозно-психологическому восприятию подвига новомучеников. Трактовка этого феномена демонстрирует глубокое понимание С. Л. Фирсовым всей драмы братоубийственного конфликта в России и того значения, которое Церковь сегодня уделяет именно погибшим за веру в XX веке — как постоянному напоминанию о неисправимых ошибках недавнего прошлого. Не будем забывать, что феномен новомученичества получил свое развитие на фоне расцвета той практики насилия против любых форм инакомыслия, которую власть большевиков возвела в государственную политику, предопределив тем самым ее масштаб и заранее выписав индульгенцию тем, кто претворял ее в жизнь. «Трагедия, случившаяся в России после того, как пала монархическая государственность и Верховный Ктитор Церкви — православный император — вынужденно оставил свое служение, отказавшись от короны в пользу брата Михаила Александровича и передав власть Временному правительству, оказалась всеобъемлющей, поскольку революция переросла в гражданскую войну, а насилие над поверженными стало восприниматься как норма», — справедливо пишет историк, трактующий Гражданскую войну как болезнь общества

и иллюстрацию общего огрубения нравов. Как тут не вспомнить мудреца А. де Сент-Экзюпери, писавшего о том, что «Гражданская война — вовсе не война: это болезнь... В гражданской войне враг сидит внутри человека, и воюют здесь чуть ли не против самих себя» [17]. Объясняя природу насилия новой власти против Церкви и в целом равнодушное отношение к ней населения, Фирсов говорит о «раскрещивании» русского народа как о «наиболее болезненной проблеме в истории русской революции, без разрешения которой невозможно понять причины насилий, творившихся над Русской Церковью после того, как победили, постепенно утверждаясь во власти, наиболее радикальные сторонники социальных перемен — большевики». «Революция, — утверждает историк, — среди прочего, деформировала, отняла у народа его главное (если не единственное) культурное достояние — религиозное чувство, то чувство, благодаря которому многие его представители становились героями и святыми». Иллюстрацией известного равнодушия народа к судьбе духовенства, о котором говорит ученый, стала судьба многих участников работ Поместного Собора 1917–1918 гг., смертью своей запечатлевшей верность Богу и Церкви — «среди них были 12 первых новомучеников, убиенных до того, как Собор под давлением новых властителей России окончательно завершил свои работы». Судьба этих людей сложилась трагически, однако их мученическая смерть не была напрасной. Они, «первомученики русской смуты, и стали той “закваской”, без которой было бы невозможно возрождение веры в посткоммунистической России, освободившейся от государственной атеистической идеологии и вновь стремящейся найти путь ко Христу. Все они ныне прославлены в лике святых: как священномученики, преподобномученики и мученики. Их память почитается, им молятся, у них учатся стоянию в вере», — утверждает автор, ссылающийся на слова Святейшего Патриарха Кирилла, назвавшего новомучеников героями, на примерах жизни которых может воспитываться нация.

В третьей главе исследования дана характеристика личности и образа «одного из наиболее выдающихся русских святителей XX века» Патриарха Тихона (Беллавина), по оценке С. Л. Фирсова, в советской печати. В годы Гражданской войны Святейший Патриарх неоднократно выступал в защиту православного духовенства и мирян, подвергавшихся преследованиям новой власти, насаждавшей в отношении верующих «гнет, произвол и беззащитность», обращаясь напрямую к В. И. Ленину [18]. Возрожденный Патриархом обычай печаловаться за свой народ воспринимался большевиками как откровенное контрреволюционное выступление [19]. Высочайший моральный авторитет Предстоятеля Русской Православной Церкви вынуждал Ленина и его единомышленников — на период вооруженного противостояния с белогвардейцами — более-менее снисходительно относиться к подобным обращениям Патриарха. Особо оговорим, что Патриарх Тихон одним из первых из числа высших иерархов Церкви пришел к выводу о сравнительной долговечности как советской власти, так и — как следствие — ее политики в отношении православия. Исходя из этого, Предстоятель начиная с 1919 г. предпринял попытку выстроить отношения с государством таким образом, чтобы Церковь имела возможность осуществлять свое служение в обществе; при этом, что принципиально, Патриарх

воздерживался от высказывания — косвенно или напрямую — своей поддержки любой из основных сторон Гражданской войны — красных или белых, — вплоть до весны 1922 г. [20]. В глазах Ленина подобный компромиссный стиль поведения Патриарха в его отношениях с новой властью был явно недостаточен, поскольку он предполагал сохранение серьезного влияния Церкви даже в системе большевистской России, а также ее самого как института. Именно поэтому любые заявления Святейшего Патриарха Тихона не могли привести к изменению отношения власти к Церкви: большевики смотрели на нее «как на сугубо политический институт — со всеми вытекавшими отсюда последствиями». (Как следствие, при первой же возможности власть не замедлила перейти в наступление. По утверждению историка, материалы следственного дела Патриарха Тихона, опубликованного в 2000 году [21], неопровержимо свидетельствуют: «Победив в Гражданской войне и установив однопартийную систему управления Россией, большевики приступили к систематической борьбе с Русской Церковью». Борьба эта предусматривала и разнузданную антицерковную кампанию, обращенную в том числе и против главы Русской Православной Церкви, представляемого в большевистских агитках в качестве махрового реакционера, «ставленника контрреволюции» и нередко называемого по своему мирскому имени — «гражданин Беллавин» или «В. И. Беллавин». Тон советской печати и ее статей, направленных против Патриарха, свидетельствовал, по утверждению Фирсова, о том, что «общественное мнение страны, равно и Запада, готовили к скорой судебной расправе над Святейшим». Большевистские идеологи, в частности, знаменитый Е. Ярославский, заверяли, что грядущий суд — «над Тихоном и тихоновщиной» — «будет концом некогда мощной царско-помещицкой церкви» и покарает также «русскую и международную рясоносную контрреволюцию». Именно на борьбе с последней и делался акцент в подготовке так и не состоявшегося процесса.

Весьма показательным, к слову, что носителями абстрактной «тихоновщины» в советской пропаганде нередко назывались иерархи, находившиеся на территориях, подконтрольных антибольшевистским образованиям, и не имевшие возможности прямого общения с Патриархом. Впрочем, формальный повод вешать такой ярлык на архиереев имелся — и Сибирское Соборное совещание, и Юго-Восточный Русский церковный Собор подчеркивали сохранение церковного единства и признавали Тихона (Беллавина) своим каноническим главой.

Четвертая и пятая главы отражают метаморфозы освещения роли Церкви в событиях Гражданской войны советскими антирелигиозными авторами. Автор логично выделяет два историографических периода — 20-е–40-е годы и 50-е–80-е годы XX века, — что напрямую совпадает с изменениями официальной позиции Советского государства по отношению к религии. Одним из главных героев четвертой главы стал Б. П. Кандидов — один из наиболее известных советских пропагандистов, пристрастно рассматривавших и сознательно очернявших деятельность духовенства в годы «Русской Смуты». Фирсов правомерно уделяет большое внимание фигуре этого «воинствующего безбожника», автора целого ряда антицерковных брошюр, базировавшихся на крайне тенденциозной подборке

собранных Борисом Павловичем архивных материалов. Аттестуя Кандидова как самого «известного антирелигиозного публициста», среди писавших о «церковной контрреволюции» 1917—начала 1920-х гг., автор пишет: «Для Кандидова не существовало ничего, что могло бы "оправдать" Церковь, он выступал сознательным обличителем, в случае необходимости принимая на себя и роль "идеологического адвоката"». (С. 89—92). Анализируя многочисленные публикации Кандидова, автор заостряет внимание на их документальной базе. «Автор не только грубо характеризовал "церковников", но и снабжал статьи выдержками из документов, с которыми советский читатель мог познакомиться только в антирелигиозном их "оформлении" и никак иначе. "Предоставляя слово" деятелям противостоявшего советской власти лагеря, Кандидов не пытался объяснить их мотивацию, их претензии к большевистскому режиму, их желание освободить Родину от "красных". Сложность он прикрывал "простотой": фразой о "контрреволюции", — пишет С. Л. Фирсов. Рассматривая деятельность Кандидова как явление сугубо отрицательное, Фирсов квалифицирует его как одного из протагонистов той «антицерковной истерии», которая «продолжалась на страницах безбожных журналов до 1941 г.». Любопытно, что вскоре после окончания Великой Отечественной войны Кандидов оказался на обочине: известного безбожника, не осознавшего вовремя новый курс власти в отношении религии и Церкви, осудили на страницах партийного официоза — газеты «Правда», в специальной статье которой «лекции» Бориса Павловича были названы идеологически вредными, а сам он трижды был назван проходимцем. С той поры и до самой своей смерти, последовавшей в один год со Сталиным, Кандидов более не «проповедовал». Интересны также и характеристики антицерковных работ «штатных безбожников» — Е. А. Тучкова, Н. Ф. Платонова и Р. Ю. Плаксина, которые стали олицетворением конъюнктурности и пристрастности советских историков, писавших о взаимоотношениях Церкви и Советского государства. Многие положения из их работ, отмечает автор, «сформулированные ранее, в смягченном виде будут использоваться советскими идеологами вплоть до начала 1990-х гг.».

В шестой главе С. Л. Фирсов приводит и анализирует оценки революции и Гражданской войны, данные рядом церковных деятелей. Основу этой части книги составили цитаты из мемуарных работ иерархов и священнослужителей, которые давно известны специалистам по истории Церкви. В первую очередь, речь идет о воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота Г. И. Шавельского и митрополита Вениамина (Федченкова), «глубоких и вдумчивых участников и наблюдателей русской смуты». Ставшие доступными для исследователей в 90-е годы XX века, эти источники и сегодня продолжают оставаться востребованными — настолько уникальны и ценны приведенные там свидетельства. С. Л. Фирсову удалось обратить внимание в этих текстах на смысловые грани, существенно расширив представления о психологии восприятия событий 1917—1920 годов в среде духовенства. При этом автор подвергает анализу и произведения художественной литературы о Гражданской войне, затрагивающие в той или иной форме образ православного священника — знаменитую поэму «Двенадцать»

А. А. Блока и известное всем еще со школьной скамьи «кошунственно-яркое», по словам историка, изображение представителя духовенства; «Железный поток» А. Серафимовича, а также беспощадно-язвительные антицерковные стихотворения В. В. Маяковского. Не оставил автор без внимания и тему освещения православного духовенства белогвардейской мемуаристикой, затронув, в частности, известные воспоминания В. В. Шульгина «1920 год». На страницах воспоминаний протопресвитера Г. Шавельского и В. В. Шульгина беспощадно бичуются язвы Белого движения — пьянство, грабежи, еврейские погромы — все то, что превратило «белых», по определению Шульгина, в «серых и грязных», а почти что «святых» в почти что «бандитов». Затрагивает автор и казнь белыми в Екатериноде священника А. И. Кулабухова в дни известного «Кубанского действия» ноября 1919 г. [22]. Подобное «насилие, творимое и белыми, и красными, утверждает исследователь, «стало порождением революционного лихолетья и Гражданской войны».

В заключительной части книги С. Л. Фирсов, вслед за В. В. Розановым, уподобляет события «Русской Смуты» Апокалипсису, который уничтожил мир старой России. «Гражданская война в России и стала иллюстрацией того, как эти апокалипсические гнев и ярость вырываются на свободу, как требование "хлеба" приводит к гонениям, направленным против тех, кто о нем молился и призывал к молитве других. Иначе говоря, приводит к борьбе с религией и с Церковью», — отмечает историк. И действительно, после завершения Гражданской войны Церкви пришлось заново искать свое место в новом государстве, проявляя примеры самоотверженности и мученичества. При этом новые властители, как пишет автор, «не смогли предупредить ни войны, ни бесхлебицы. Не смогли они окончательно уничтожить и веру, существенно поколебленную в революционную эпоху. Социальный "апокалипсис", уничтожая старый мир и творя новую жизнь, не стал образом "последних времен" для Церкви, всегда воспринимавшей Откровение Иоанна Богослова как научение и утверждение всех христиан в вере и надежде. Гражданская война стала для Церкви испытанием социального порядка, преподав урок существования в условиях беспримерных до того гонений. Гражданская война означала вхождение Церкви в новый, советский мир, в котором провозглашалось устройство "Царства Божия" на земле», — пишет С. Л. Фирсов в заключении своей талантливой книги.

Очерковый характер работы С. Л. Фирсова не позволил раскрыть ряд принципиальных моментов, важных для понимания роли и места религиозного фактора в Гражданской войне в России. По нашему мнению, каждый из представленных в книге очерков мог бы быть дополнен сюжетами, которые гораздо более объемно представили события «Русской Смуты» именно с позиций православного духовенства и верующих. Так, в главе «Большевики и Церковь в 1917—1920 гг. Краткий исторический обзор» заявленная проблема раскрывается преимущественно за счет рассмотрения свидетельств современников, анализа декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» и его последствий, освещения захвата церковных объектов и изъятия мощей. При этом историком обойдены вниманием многие события, связанные с преследованиями клира на тех территориях, где в ходе Гражданской войны была установлена совет-

ская власть. Борьба с духовенством и верующими на местах стала одним из проявлений вышедшего на новый уровень социального противостояния, она приобретала самые различные формы — от террора и убийств до преследований с формальным соблюдением законности. В числе последних — судебный процесс против саратовского духовенства, проходивший в 1918–1919 гг. Эта трагическая страница отечественной истории долгое время оставалась неизвестной исследователям, однако в 2013 г. была подготовлена обстоятельная документальная публикация А. И. Мраморнова, презентующая материалы дела и демонстрирующая методы борьбы революционного трибунала, включавшие использование лжесвидетельств и подтасовку фактов [23]. В этой публикации убедительно раскрыты механизмы, которые предопределили тактику борьбы большевиков с Церковью. Даже краткое упоминание этого процесса дополнило бы очерк С. Л. Фирсова ценной информацией по заявленной теме. Рекомендации подобного рода применимы и к другим главам рецензируемой работы, в особенности к части о новомучениках, в которой акцент сделан на пострадавших от гонений архиереях и участниках Всероссийского Поместного Собора. По нашему мнению, еще несколько примеров биографий священнослужителей и мирян, пострадавших за веру, могли бы еще рельефнее показать, насколько всеобъемлющей и затронувшей все регионы страны стала трагедия Гражданской войны.

Заключение. Монография известного ученого затронула целый ряд по-настоящему значимых для судьбы нашей страны в XX веке и вряд ли разрешимых вопросов: как и почему с Россией произошли страшные испытания революции и Гражданской войны? Смогли ли новые властители России, обозначив в качестве одного из столпов своей веры безбожие, предложить стране новую национальную идею? Выступил ли в годы русской междоусобицы народ в защиту православной веры? Чью же все-таки сторону приняла в годы Гражданской войны Русская Православная Церковь и почему? Предопределено ли было открытое столкновение новой власти и православного духовенства, да и было ли выгодно для большевиков столь резкое противопоставление себя Христовой вере?

И, наконец: может ли национальная идея, основанная на безбожии, сделать какой бы то ни было народ счастливым, процветающим и гармонично развивающимся? В этом плане глубокая и сильная книга профессора С. Л. Фирсова является приглашением к диалогу.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Библиографический список

1. Фирсов С. Л. Православная церковь и Российское государство в конце XIX — начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1994. 17 с.
2. Фирсов С. Л. Православная церковь и Российское государство в 1907–1917 годах: социальные и политические проблемы: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Санкт-Петербург, 1997. 47 с.

3. Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1996. 660 с.
4. Фирсов С. Л. Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2007. 459 с.
5. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.): моногр. Москва: Духовная библиотека, 2002. 623 с.
6. Фирсов С. Л. «Русский старец с посохом в руке», или Слово о «святном Григории» // Григорий Распутин: Последний «старец» Империи / Терещук А. Санкт-Петербург: Вита-Нова, 2006. С. 480–498.
7. Фирсов С. Л. Николай II: пленник самодержавия // Сер. Жизнь замечательных людей. Вып. 1479 (1279). Москва: Молодая гвардия, 2010. 524 с.
8. Полунов А. Ю. Победоносцев: русский Торквемада. Москва: Молодая гвардия, 2017. С. 6.
9. Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: интеллектуал во власти. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2016. 587 с.
10. Фирсов С. Л. Власть и огонь: церковь и Советское государство: 1918 — начало 1940-х г.: очерки истории. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2014. 470 с.
11. Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Сергий (Страгородский): о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. Санкт-Петербург: Сатисъ; Держава, 2005. 394 с.
12. Фирсов С. Л. На весах веры: от коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2011. 526 с.
13. Фирсов С. Л. Ленин: Сотворение мифа. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2019. 544 с.
14. Фирсов С. Л. Сталин: Миф и образ. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2021. 560 с.
15. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). Москва: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. С. 386.
16. Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: На Поместный Собор: 1917–1918. (Запись от 1–4 января 1918 г.). Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2018. С. 178.
17. Сент-Экзюпери А. де. Испания в крови // Избранное. Ленинград, 1977. С. 496.
18. М. И. Одинцов «Обращаюсь к Совету народных комиссаров с просьбой...». Письма патриарха Московского и всея России Тихона. 1918–1919 гг. // Исторический архив. 2018. № 1. С. 8.
19. Вострышев М. И. Патриарх Тихон. 2-е изд., испр. Москва: Молодая гвардия: ЖЗЛ: Русское слово, 1997. С. 127.
20. Священник Димитрий Сафонов. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. 2-е изд. Москва: Издат. дом Познание, 2019. С. 31–32.
21. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. Москва: Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2000. 1105 с.
22. Пученков А. Конец Кулабухова, или Рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. № 3. С. 41–44.
23. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг.: документ. публ. А. И. Мраморнова. Москва: Изд-во Новоспасского монастыря; Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2013. 880 с.

КАЛИНОВСКИЙ Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 2005-9860
AuthorID (РИНЦ): 818446

AuthorID (SCOPUS): 57202683255
Адрес для переписки: v.kalinovsky@spbu.ru
ПУЧЕНКОВ Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 9722-4267
AuthorID (РИНЦ): 416977
ORCID: 0000-0002-9016-3991
AuthorID (SCOPUS): 55968877800
ResearcherID: P-4475-2015
Адрес для переписки: ar80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Для цитирования

Калиновский В. В., Пученков А. С. Православная Церковь и «Русская Смута»: размышляя над уроками прошлого (Рецензия на книгу Фирсова С. Л. «Время войне и время миру». Православная Российская Церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 87–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-87-95.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022 г.

© В. В. Калиновский, А. С. Пученков

THE ORTHODOX CHURCH AND «RUSSIAN DISSOLVE»: REFLECTING ON LESSONS OF THE PAST (REVIEW OF THE BOOK FIRSOV S. L. «A TIME FOR WAR AND A TIME FOR PEACE». THE ORTHODOX RUSSIAN CHURCH AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA: ESSAYS ON HISTORY AND HISTORIOGRAPHY)

The article characterizes one of the last works of the famous St. Petersburg historian S. L. Firsov, specialist in the field of Church history and church-state relations. The publication is devoted to the history and historiography of the Orthodox Russian Church during the period of the revolution and the Civil War. It is noted that the historian emphasizes the importance of the religious factor for understanding the importance of the socio-political processes that took place at this controversial time. The main theses expressed in the monograph are considered, its strengths and weaknesses are named.

Keywords: Russian Revolution, Russian Civil War, Russian Orthodox Church, religious factor, Patriarch Tikhon (Bellavin), S. L. Firsov.

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the RNF project No. 21-18-00266 «The religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance and regional specifics», carried out at St. Petersburg State University.

References

1. Firsov S. L. Pravoslavnaya tserkov' i Rossiyskoye gosudarstvo v kontse XIX–nachale XX vekov [The Orthodox Church and the Russian state in the late 19th–early 20th centuries]. St. Petersburg, 1994. 17 p. (In Russ.)
2. Firsov S. L. Pravoslavnoye tserkov' i Rossiyskoye gosudarstvo v 1907–1917 godakh: sotsial'nyye i politicheskiye problemy [The Orthodox Church and the Russian State in 1907–1917: Social and Political Problems]. St. Petersburg, 1997. 47 p. (In Russ.)
3. Firsov S. L. Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo v posledneye desyatletiyе sushchestvovaniya samoderzhaviya v Rossii. [Church and State in the last decade of the existence of autocracy in Russia]. St. Petersburg, 1996. 660 p. (In Russ.)
4. Firsov S. L. Tserkov v Imperii: ocherki iz tserkovnoy istorii epokhi Imperatora Nikolaya II [The Church in the Empire: Essays from the Church History of the Era of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg: Satis" Publ., 2007. 459 p. (In Russ.)
5. Firsov S. L. Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh–1918 gg.) [Russian Church on the Eve of Changes (late 1890s–1918)]. Moscow: Dukhovnaya biblioteka Publ., 2002. 623 p. (In Russ.)
6. Firsov S. L. «Russkiy starets s posokhom v ruke», ili Slovo o «svyatom Grigorii» [Russian elder with a staff in his hand, or the Word about «Saint Gregory» // Grigoriy Rasputin: Posledniy «starets» Imperii [Grigory Rasputin: The last «old man» of the Empire] / Tereshchuk A. St. Petersburg, 2006. P. 480–498. (In Russ.)
7. Firsov S. L. Nikolay II: plennik samoderzhaviya [Nicholas II: a prisoner of the autocracy]. // Ser. Zhizn' zamechatel'nykh lyudey [Life of remarkable people]. Vyp. 1479 (1279). Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2010. 524 p. (In Russ.)
8. Polunov A. Yu. Pobedonostsev: russkiy Torkvemada [Pobedonostsev: Russian Torquemada]. Molodaya gvardiya Publ., 2017. P. 6. (In Russ.)
9. Firsov S. L. Konstantin Pobedonostsev: intellektual vo vlasti [Konstantin Pobedonostsev: an intellectual in power]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2016. 587 p. (In Russ.)
10. Firsov S. L. Vlast' i ogon': tserkov i sovetskoye gosudarstvo: 1918–nachalo 1940-kh g.g.: ocherki istorii [Power and fire: the church and the Soviet state: 1918–early 1940s: essays on history]. Moscow, 2014. 470 p. (In Russ.)
11. Firsov S. L. Vremya v sud'be: svyateyskiy Patriarkh Moskovskiy i Vseya Rusi Sergiy (Stragorodskiy): o genezise «sergianstva» v russkoy tserkovnoy traditsii XX veka [Time in fate: His Holiness Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius (Stragorodsky): on the genesis of «Sergianism» in the Russian church tradition of the twentieth century.]. St. Petersburg: Satis"; Derzhava Publ., 2005. 394 p. (In Russ.)
12. Firsov S. L. Na vesakh very: ot kommunisticheskoy religii k novym «svyatym» postkommunisticheskoy Rossii [On the scales of faith: from the communist religion to the new «saints»

of post-communist Russia]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2011. 526 p. (In Russ.).

13. Firsov S. L. Lenin: Sotvoreniye mifa [Lenin: Creation of a myth]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2019. 544 p. (In Russ.).

14. Firsov S. L. Stalin: Mif i obraz [Stalin: Myth and image]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2021. 560 p. (In Russ.).

15. Kashevarov A. N. Pravoslavnoye Rossiyskaya Tserkov i sovetskoye gosudarstvo (1917–1922) [The Orthodox Russian Church and the Soviet state (1917–1922)]. Moscow, 2005. P. 386. (In Russ.).

16. Arseniy (Stadnitskiy), mitr. Dnevnik: Na Pomestnyy Sobor: 1917–1918. (Zapis' ot 1–4 yanvarya 1918 g.) [Metropolitan Diary: At the Local Council: 1917–1918. Entry dated January 1–4, 1918]. Moscow, 2018. P. 178. (In Russ.).

17. Sent-Ekzyuperi A. de. Ispaniya v krovi [Spain in the blood] // Izbrannoye [Selected]. Leningrad, 1977. P. 496. (In Russ.).

18. M. I. Odintsov «Obrashchayus' k Sovetu narodnykh komissarov s pros'boy...». Pis'ma patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii Tikhona. 1918–1919 gg. [«I appeal to the Council of People's Commissars with a request ...». Letters from Patriarch Tikhon of Moscow and All Russia. 1918–1919] // Istoricheskiy arkhiv. *Historical Archive*. 2018. No. 1. P. 8. (In Russ.).

19. Vostryshcheyev M. I. Patriarkh Tikhon. [Patriarch Tikhon]. 2nd ed. Moscow, 1997. P. 127. (In Russ.).

20. Svyashchennik Dimitriy Safonov. Svyatitel Tikhon, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rossii, i yego vremena [Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, and his time]. 2nd ed. Moscow, 2019. P. 31–32. (In Russ.).

21. Sledstvennoye delo Patriarkha Tikhona. Sbornik dokumentov po materialam Tsentralnogo arkhiva FSB RF [Investigation case of Patriarch Tikhon. Collection of documents based on materials from the Central Archive of the FSB of the Russian Federation]. Moscow, 2000. (In Russ.).

22. Puchenkov A. Konets Kulabukhova, ili rasskaz ob odnom poveshennom [The end of Kulabukhov, or the story of a hanged man] // Rodina. *Homeland*. 2008. No. 3. P. 41–44. (In Russ.).

23. Sudebnyy protsess protiv saratovskogo dukhovenstva v 1918–1919 gg.: dokument. publ. A. I. Mramornova [Litigation against the Saratov clergy in 1918–1919: documentary publication A. I. Mramornova]. Moscow, 2013. 880 p. (In Russ.).

KALINOVSKY Vladimir Vitalyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History Institute, Saint-Petersburg State University (SPBU), Saint-Petersburg.

SPIN-code: 2005-9860

AuthorID (RSCI): 818446

AuthorID (SCOPUS): 57202683255

Correspondence address: v.kalinovsky@spbu.ru

PUCHENKOV Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of History Institute, SPBU, Saint-Petersburg.

SPIN-code: 9722-4267

AuthorID (RSCI): 416977

ORCID: 0000-0002-9016-3991

AuthorID (SCOPUS): 55968877800

ResearcherID: P-4475-2015

Correspondence address: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

For citations

Kalinovsky V. V., Puchenkov A. S. The Orthodox Church and «Russian Dissolve»: reflecting on lessons of the past (Review of the book Firsov S. L. «A Time for War and a Time for Peace»). The Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia: Essays on History and Historiography // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 4. P. 87–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-87-95.

Received August 15, 2022.

© V. V. Kalinovsky, A. S. Puchenkov